

ЕКОНОМІЧНА ТЕОРІЯ

УДК 330.101:330.83

А.А. ЗАДОЯ, доктор экономических наук, профессор,
первый проректор Днепропетровского университета экономики и права

С.В. КУЗЬМИНОВ, кандидат экономических наук, доцент, директор Института
международной экономики Днепропетровского университета экономики и права

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РЫНОЧНЫХ И НЕРЫНОЧНЫХ АСПЕКТОВ В ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМАХ КОНЦА 1940-х – СЕРЕДИНЫ 1960-х гг.

У статті проаналізовано діалектику реальних економічних процесів та їх відображення у науковій літературі на прикладі економічних реформ 40–60-х років ХХ ст., які проводилися у Радянському Союзі.

В статье проанализирована диалектика реальных экономических процессов и их отражение в научной литературе на примере экономических реформ 40–60-х годов ХХ в., проводимых в Советском Союзе.

The dialectics of the real economic processes and their reflections in scientific literature is analyzed in article. This is made on example of the economic reforms 40–60-s years 20th century, conducted in the Soviet Union.

экономические реформы, экономическая история, рыночные механизмы регулирования экономики, экономическая политика

Для человека, изучающего экономическую историю, особое значение имеет соединение ее двух аспектов: истории изменений в реальной экономике (способах производства, уровне развития производительных сил, содержании производственных отношений, экономических институтов и учреждений) и истории развития экономической мысли. При анализе диалектического взаимодействия этих двух аспектов возникает вопрос: что является причиной, а что следствием? Происходят ли вначале какие-то изменения в реальной экономике, которые потом находят свое отображение и обобщение в работах представителей экономической науки, или наоборот – сначала появляются экономические идеи, реализация которых приводит к изменениям в реальной экономической жизни?

Было бы ошибкой однозначно ответить на этот вопрос. Свидетельством более сложной взаимосвязи может служить история экономики и экономической мысли в ХХ в. С одной стороны, имен-

но экономический кризис 1929–1933 гг. подтолкнул экономистов к изменению оценки способности рыночной экономики к саморегулированию и пересмотру роли государства. Как следствие – появление известной работы Дж.М. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» (1936 г.). Однако дальнейшее развитие европейских стран на протяжении следующих 40 лет происходило под влиянием именно кейнсианских идей, а следовательно, понять и объяснить исторические события реальной экономики без знания кейнсианской теории невозможно. Такая же сложная диалектика обнаруживается и при анализе теоретических разработок относительно коллективных валют (в частности работ лауреата Нобелевской премии по экономике Роберта-Александера Манделла относительно оптимальных зон обращения валюты) и внедрения общей европейской валюты – евро. Экономическая мысль не является зеркалом, которое лишь отображает реальную действительность; она совершает активное влияние

на экономические процессы, иногда выступая даже первопричиной направлений и темпов их изменений.

Подтверждением справедливости данного утверждения может служить анализ экономических реформ, проведенных в СССР в 40–60-х гг. XX в., и их отражения в исследованиях советских и, в частности, украинских экономистов.

Целью данной статьи является исследование взаимосвязи реальной экономической действительности и ее теоретического отражения в работах экономистов, позволяющее продемонстрировать их диалектическое единство и взаимообусловленность.

Исследуемый период был достаточно благоприятным для проведения экономических реформ. С одной стороны, экономический механизм, созданный в 30-е годы, был разрушен войной и восстанавливать его не имело смысла; с другой стороны, сформировавшаяся в военные годы система управления хозяйством была непригодна для мирного времени. Поэтому было расчищено поле для проведения реформ, которые имели своей целью поднять эффективность экономики, обеспечить ее постепенный переход от экстенсивных к интенсивным факторам роста. Основными реформами этого периода были: денежная реформа 1947 г.; реформа сельского хозяйства 1953 г.; реформа денег и цен 1961 г.; реформа в промышленности и строительстве 1957 г.; реформа 1965 г. («косыгинская» реформа).

Кардинальная реформа денежного обращения была задумана сразу же после окончания Великой Отечественной войны. Молодые экономисты В. Дьяченко и Я. Кронрод отстаивали идею усиления роли денег, расширения товарного производства и использования закона стоимости в условиях социализма еще во второй половине 1940-х гг. Анализируя «Капитал» К. Маркса, Я. Кронрод утверждал, что социализм является закономерной стадией развития товарного производства [1]. Следовательно, распределение конечного продукта должно происходить не через административно-распределительную систему, а через

добровольную покупку товаров и услуг потребителем. Практическим воплощением этих идей стала денежная реформа с одновременным отказом от карточной системы распределения в 1947 г.

Отказ от карточного распределения основных потребительских благ стал не только признаком того, что послевоенное восстановление проходит успешно. Более важно то, что он сигнализировал о готовности политического руководства страны повернуться лицом к потребностям людей, формировать структуру производства не только исходя из производственных возможностей, но и учитывая реальные запросы населения, воплощенные в спросе на конечные товары и услуги.

Тем не менее, сразу же возникла другая проблема. Рост доходов в сочетании с сохранением фиксированных низких цен на товары послужили причиной дефицита этих товаров, в частности продовольствия. Голод 1947–1948 гг. подтолкнул к реформированию аграрного сектора.

Основными элементами реформы аграрных отношений в СССР, провозглашенной на пленуме ЦК КПСС 1953 г., были значительное повышение закупочных цен на сельхозпродукцию, уменьшение натуральных налогов на личные подсобные хозяйства жителей сел, расширение возможностей для материального поощрения работников колхозов [3]. Эти мероприятия должны были стимулировать трудовую активность крестьян и уменьшить административную и налоговую нагрузку на сельхозпредприятия. В дальнейшем подобные мероприятия многократно повторялись с целью дальнейшего стимулирования агросектора советской экономики, который оставался хронически проблемным с начала 1940-х гг. Поэтому определить время завершения реформы практически невозможно, поскольку она стала перманентной.

На начальном этапе реформа дала ощутимый положительный эффект [6]. Увеличилось производство всех основных продуктов растениеводства и животноводства. Ускоренными темпами

начала осуществляться механизация и электрификация сельского хозяйства, мелиорация земель. Но в целом аграрная реформа 1953 г. была половинчатой и внутренне конфликтной. Так, с одной стороны, колхозы и совхозы переходили на хозрасчет (т. е. финансировали собственные расходы лишь за счет самостоятельно заработанных средств), а с другой — оставалась система принудительной продажи государству подавляющего большинства выращенной продукции по фиксированным ценам. Хозяйства получили относительную свободу в вопросах что и сколько сеять, но эта свобода очень ограничивалась государственным вмешательством со стороны разного рода областных и республиканских комиссий, инспекций, управлений, которые порождали все возрастающее количество контрольных цифр, нормативов и распоряжений.

Идейное наполнение и результаты реформ невозможно рассматривать в отрыве от эволюции и борьбы экономических школ в СССР. Если реформы 1947 и 1953 гг. были в значительной мере продиктованные острой необходимостью восстановить довоенный уровень жизни населения и потенциал экономики и сначала не задумывались как стратегические, то уже следующая — реформа организации управления промышленностью и строительством — задумывалась как системная. Значительную роль в этом сыграло то, что в 1950-х гг. советскими экономистами (прежде всего, профессорами Московского государственного университета В. Черковцом и Н. Цаголовим) на основе марксистских идей была создана политическая экономия социализма. Это позволило анализировать социалистическое хозяйство не просто как результат политических решений в экономике, а действительно как систему экономических отношений, с ее специфическими законами и особенностями, что и было отображено в учебнике по политэкономии, изданном кафедрой политэкономии МГУ [2].

Основным законом социалистической экономики считалась планомерность ее развития. Причем в отличие от

тогдашней экономической системы западных стран, где планомерность охватывала преимущественно сферу производства, социалистическая экономика должна быть планомерной во всех элементах — производстве, распределении, обмене и даже в потреблении.

В такой системе и потребности должны были быть запланированными. Вместо того, чтобы постоянно гнаться за возрастающими потребностями, предлагалось активно влиять на индивида со стороны общества, формировать его личность и потребности. Итак, решение конфликта между безграничностью потребностей и ограниченностью ресурсов предлагалось снимать не только за счет повышения эффективности использования ресурсов, но и путем активного и сознательного формирования потребностей. То есть, если общество может производить много книг, то нужно прививать любовь к чтению литературы, а если возникают постоянные проблемы в животноводстве, то необходимо активнее пропагандировать потребление рыбы и овощей.

Такое видение основной проблемы экономики в определенном понимании обогнало свое время и в большей мере отвечает постиндустриальному обществу современных развитых стран. Но теперь идею возможности системного влияния на материальные и нематериальные потребности индивида успешнее реализуют не государственные учреждения, а большие корпорации. Рекламная компания сегодня в значительной мере является не подачей объективной информации, а попыткой сформировать сознание и подсознание индивида за счет контролируемого влияния извне. В Советском Союзе единство общественного и личного воплотилось в лозунге: «Гармоническое, всестороннее развитие личности является объективно заданной целью развития общества».

Возвращение к человеку, его потребностям требовало более сбалансированного распределения ресурсов между созданием средств производства и производством потребительских товаров. Гипертрофированное развитие тяже-

лой индустрии, характерное для 1930–1940-х гг., надо было скорректировать в пользу легкой промышленности и производства бытовой техники. Но развитие – это не только средства и ресурсы, но и управленческая система. Если продукция тяжелой промышленности характеризуется относительной однородностью и, соответственно, предприятия таких отраслей контролировать легко, то для потребительских товаров характерно разнообразие, а в идеале – соответствие уникальным вкусам большого количества потребителей. Таким образом, планировать ассортимент, устанавливать объемы производства нужно оперативно, мгновенно реагируя на изменения во вкусах.

Именно такой была цель реформы 1957 г. Путем приближения контролирующих органов непосредственно к предприятию планировалось не только предоставить административно-командной машине большую гибкость, но и преодолеть узковедомственный подход руководителей предприятий, когда предприятие отчитывалось только перед своим отраслевым министерством и было заинтересовано в выполнении плана любой ценой, совсем не интересуясь тем, как его деятельность влияет на предприятия других областей, нужна ли его продукция, удовлетворяет ли она потребителя. В ходе реформы предлагалось снова возвратиться от отраслевого к территориальному принципу управления промышленностью и строительством. Заново созданные совнархозы (в Украине их было 11, а по всему СССР – более 100) должны были обеспечивать комплексный подход к развитию народного хозяйства на своей территории. Одновременно большое количество предприятий передавалось из центрального в республиканское подчинение.

Параллельно с этим надо было продолжать реформу цен, начатую с повышения закупочных цен на продукцию агросектора. В 1957 г. В. Дяченко разработал проект реформы, в рамках которой предполагалось установление цен на основе учета спроса и предложения, их оперативное изменение торговыми

организациями, а также приведение денежной массы в соответствие с товарной.

Но отчасти из политических соображений, а отчасти из-за отсутствия глубоких научных разработок в сфере денежного обращения предложенная реформа была значительно урезана. Фактически она свелась к деноминации советского рубля (1 новый за 10 старых) с 1 января 1961 г. В последующие несколько лет цены на потребительские товары несколько повысились, но кардинально ситуация в легкой и пищевой промышленности не изменилась. Эти отрасли остались в советской экономике.

Изменение в политической власти в конце 1964 г. открыло дорогу наиболее масштабной реформе послевоенного периода в СССР. Она преподносилась как разрыв с проявлениями прожектёрства и волюнтаризма, присущими советской экономической политике 1950-х – начала 1960-х гг., декларировалось повышение научного уровня руководства экономикой, основанного на законах политэкономии социализма.

Традиционно проведение реформы связывали с усложнением экономических связей, которое снижало эффективность директивного планирования, и с желанием более полно использовать интенсивные факторы экономического роста. Фактически проблема заключалась в невозможности сохранять старую организацию общесоюзного планирования в условиях постоянного экономического роста. В 1966 г. промышленность СССР включала более 300 отраслей, 47 тыс. предприятий и 12,8 тыс. строительных организаций. Детальное согласованное планирование деятельности такой исполинской машины превращалось в непосильную задачу в годы, когда наиболее распространенным инструментом экономических расчетов оставались деревянные счёты.

В среде технократически настроенной интеллигенции особую популярность приобрели идеи академика В. Глушкова, который с 1962 г. развивал программу тотальной информатизации экономических процессов, кото-

рая должна была основываться на базе Единой государственной сети вычислительных центров. Считалось, что конечным результатом реализации программы могло стать создание гигантской экономико-математической модели, которая бы регулярно обновлялась путем введения разнообразнейших первичных данных, полученных вычислительными центрами от предприятий и организаций. В идеале такая модель стала бы почти точной копией реальности и позволила бы не только эффективнее балансировать плановые показатели для каждого хозяйствующего субъекта, но и проводить экономические эксперименты, не подвергая риску реальную экономику.

Но не технократические идеи стали основанием для новой реформы. Впервые ее концепция была изложена в статье профессора Харьковского государственного университета Э. Либермана «План, прибыль, премия» в газете «Правда» [7]. Статья вдохновила общесоюзную экономическую дискуссию в печати и серию экономических экспериментов, которые подтвердили эффективность предложенных мероприятий.

Реализация реформы пришлось на период VIII пятилетки (1965–1970 гг.), которая получила название «золотой», поскольку дала колоссальный прирост объемов национального производства и дохода. Темпы роста национального дохода в СССР в этот период были почти такими же высокими, как в Японии, вдвое более высокими, чем в США и Германии, и втрое превосходили аналогичный показатель для Великобритании. Реформа значительно улучшила ритмичность поставок и платежей, ускорив обращение денежной массы, улучшила использование основных фондов, которое привело к повышению производительности труда.

Во второй половине 1960–1970 гг. реформа была подвергнута жесткой критике со стороны группы ученых, авторов так называемой СОФЭ – системы оптимального функционирования экономики (Н. Федоренко, В. Новожилов, С. Шаталин и др.) [4, 5]. Авторы СОФЭ

в качестве альтернативы либеральной, по своей сути, реформе предложили создать «конструктивную» экономико-математическую модель социалистической экономики. Как альтернатива «описательной» политической экономии СОФЭ должна была полностью вытеснить товарное производство, заменив его системой экономико-кибернетических операций. Концепция СОФЭ нашла поддержку в аппарате ЦК КПСС, Институте США и Канады, Центральном экономико-математическом институте. В тот же время Совет министров СССР, Госплан и ведущие экономисты Института экономики Академии наук (Я. Кронрод, Н. Цаголов) выступали категорически против. В результате дискуссии, которая развернулась на рубеже 1960–1970-х гг. недостаточная нежизнеспособность СОФЭ была доказана, но и либеральная реформа начала сворачиваться. В значительной мере этому оказывали содействие не только авторы СОФЭ, но и партийные функционеры высшего ранга, члены ЦК КПСС. Политизируя дискуссию вокруг реформы, они обвинили А. Косыгина и его единомышленников в отходе от социалистических идей, заигрывании с Западом и т. п. В результате реформа в первой половине 1970-х гг. была свернута, а предприятия снова потеряли большую часть самостоятельности.

Хотя сегодня доминирует мысль о неудаче «косыгинской» реформы 1965 г., но она все же имела большое значение для дальнейшего развития многих стран:

1. Реформа оказывала содействие росту капиталовложений в производство и вывела предприятия СССР (и, в частности, Украины) на довольно высокий для своего времени технологический уровень, который большинство из них не смогли превзойти даже в первом десятилетии XXI в.

2. Реформа обозначила возможности и направления трансформации административно-командной экономики в более эффективную модель смешанной экономики путем постепенных преобразований. Идеи реформы широко

использовались в градуалистских моделях рыночных преобразований, например, в Китае.

Но в СССР возможность эффективных и относительно безболезненных преобразований была утрачена. Реставрация диктата партийной номенклатуры означала консервацию эволюции общественных отношений. Началась эпоха так называемого «застоя», которая была прервана лишь «горбачевскими» реформами середины 1980-х гг.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что долгосрочным следствием сворачивания экономической реформы середины 1960-х гг. стало укоренившееся взаимное недоверие между учёными-экономистами и хозяйственниками разных рангов – от директора предприятия до главы правительства. Волонтаристское сворачивание «косыгинской» реформы вопреки научным доводам, достигнутому позитивным результатам и просто здравому смыслу, было воспринято научной общественностью как яркое проявление невежества партийно-хозяйственной номенклатуры и её откровенной неспособности воспринимать эффективные методы управления экономикой. Вероятно, именно поэтому вплоть до конца 1980-х гг. в СССР публикация серьёзных работ по вопросам повышения качества управления экономикой страны практически прекратилась. Традиция такого негативного отношения к правительству страны со стороны учёных продолжается в Украине до сих пор. На каждый десяток негативных публикаций по поводу ошибок правительства едва ли найдётся хотя бы одна, в которой содержатся конструктивные предложения по реформированию экономики страны.

С другой стороны, и хозяйственники не питают особой симпатии к учёным. Стойкое недоверие к отечественным разработкам привело, в частности, к тому, что рыночные реформы, проводимые с начала 1990-х гг., конструировались практически исключительно на основе западных рецептов, совершенно не адаптированных к украинским реалиям. Отсюда и плачевный результат. Очевидно, что такое взаимное пренебрежение разрушительно сказывается как на украинской науке, так и на украинском бизнесе. Окончание этой «холодной войны», несомненно, принесло бы огромную пользу всему украинскому обществу в целом.

Список использованной литературы

1. Кронрод Я.А. Деньги в социалистическом обществе. Очерки теории / Я.А. Кронрод. – М.: Госфиниздат, 1954. – 374 с.
2. Курс политической экономии / под ред. Н.А. Цаголова. – М.: Из-во МГУ, 1968. – Т. 2.
3. Історія селянства Української РСР. У 2 т. – К., 1967. – Т. 2. – С. 413.
4. Федоренко Н.П. О разработке системы оптимального функционирования экономики / Н.П. Федоренко. – М.: Наука, 1968. – 286 с.
5. Федоренко Н.П. Вспоминая прошлое, заглядываю в будущее / Н.П. Федоренко. – М.: Наука, 1999. – С. 143–144.
6. Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. – М., 1971. – С. 34.
7. Либерман Е.Г. План, прибыль, премия / Е.Г. Либерман // Правда. – 1962. – 9 сентября.

Надійшло до редакції 2.02.2010